

КАК В ПЛОХОМ

РОМАНЕ...

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ НА ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

В РОМАНЕ Александра Араксманяна «Много дорог, много...» изображаются студенты театрального института. Нет смысла пересказывать содержание этого определенно бессодержательного повествования. Достаточно одного примера, чтобы получить представление о всей книге. Вот главный герой, положительный деревенский парень Анушаван, спасает свою будущую невесту от хулиганов. «— Чего дрожишь, дурочка? Пойдем, мы тебя согреем! — Сиран вскрикнула. В то же мгновение хулиган, сбитый кем-то с ног, очутился на асфальте... Ненависть исказила его (Анушавана. — С. Ч.) лицо. Он резко ударил хулигана по руке, и нож, звякнув, упал на тротуар». Подбор слов не очень свежий, да и сама ситуация не раз использовалась в произведениях определенного жанра и качества. В каких? «Это, брат, бывает только в романах... и то в плохих», — «в один голос» оценивают происшествие друзья героя на следующей странице.

Трезвое суждение, которое хотелось бы отнести и к тому, как изображено происшествие автором романа!

Кстати, в тексте не раз встречаются реплики и целые куски, звучащие почти как оценка романа в романе. Если, например, об одной вечеринке полуотрицательная героиня Лусик думает: «Так похоже на плохой спектакль», — то виноват в этом «плохом спектакле» прежде всего автор: вечеринка у него будто «списана» с какого-нибудь фельетона средней руки. Нужен подчас весьма невысокий вкус, чтобы вынести элементы мелодраматизации, содержащиеся в романе: «Вопли матери, рвавшей на себе волосы...»; «Она упала лицом вниз на развороченную, истерзанную постель и зарыдала»; «Заломив руки за голову, Лусик вспоминает о букете, о нежных цветах» и т. п. Все подобные обороты можно легко запрограммировать в виде определенных машинных схем. Чтобы избавиться от механического привкуса, автор просто «разбавляет» то или иное банальное выражение... многословием.

Читая сцены и диалоги, вполне подходящие под определение «как в плохом романе» или «как в плохом спектакле», невольно думаешь о том, что если не автор, то уж редактор-то обязан был сократить их! В этом деле не вредно было бы взять в пример хотя бы одного из героев романа — режиссера Бениамина, который, написав любовное письмо, «перечитал и разорвал — сам почувствовал, насколько фальшивой, неискренней была каждая строка. Господи! Откуда у него такая мелодраматизация! Откуда набор пошловатых, ходячих, избитых прописей? Он не сразу взялся за перо, чтобы переписать письмо заново. Целый день ходил, прикидывая в уме фразу за фразой...»

Беспомощно описывая театрально-учебную среду, автор еще и совершенно избегает выводить действие за ее пределы. Неужели современному армянскому актеру не нужно

знакомство с наукой, с книгами по психологии, социологии, философии, встречи с людьми передовых профессий? Нужно! Это влияет на формирование таланта. Так же, как и изучение шедевров мирового искусства. Знаменитый Ваграм Папазян вот что рассказывал о своей учебе в Миланской театральной школе: «Учебный план был довольно сложный и изнурительный. Однако у него были и свои привлекательные стороны. По меньшей мере дважды в неделю студенты в сопровождении педагогов ходили в музеи и картинные галереи, посещали больницы, где, стоя у изголовья умирающих, часами наблюдали за ними, бывали у психических больных, слушали судебные процессы и даже встречались с осужденными; мы бывали и в «злачных» местах этого большого города, двери которых распахивались лишь после полуночи...». Это происходило 60 лет назад, и сейчас кое-что в этой программе обучения пришлось бы, само собой, изменить. Важно другое. Процесс становления молодого актера и сегодня не протекает в герметической, только театральной среде. А в романе получилось, что у героев нет никаких валентностей за пределами своего мирка. Если не считать пап и мам — условных стариков, которые иногда дуются и сердятся, но потом понимают и прощают своих детей.

Я процитировал мемуары Папазяна не для «местного колорита», но потому, что Папазян — одна из фигур, напоминающих о мировых связях армянского искусства. Но и в этом смысле герои А. Араксманяна окружены безвоздушным пространством. Как будто никто из армян, работающих в искусстве, не прославился за рубежом. Как будто никакие произведения мирового искусства не проникают в Ереван, за исключением «павианьих тормозов» джаза. Правомерно ли писать так о стране древней и высокой культуры, какой мы знаем Армению?

На дрожжах такого стиля, какой мы обнаруживаем в романе Араксманяна, вообще невозможен никакой специфический или хотя бы просто серьезный разговор об искусстве!

К сожалению, появление такого рода «учебно-театрального романа» имеет прецедент. Лет девять назад наша критика рассмотрела поверхностный и буффорский роман Е. Шереметьевой «Весны гонцы», выступила против профанации темы и беллетристических ужимок. Это не помешало «Весны гонцам» выйти отдельным изданием и иметь продолжение.

Рискуя несколько затянуть наш разбор, мы медлительно, в темпе внутренней рецензии, привели цитаты, характеризующие стиль сочинения Араксманяна. К сожалению, наша «внутренняя рецензия» опоздала. Роман «Много дорог, много...» уже вышел в свет — сначала в Ереване, а теперь, в авторизованном переводе на русский, и в Москве, в издательстве «Советский писатель»...

С. ЧУДАКОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
№ 5 АПР. 1966